

ОДИНОЧЕСТВО В ПЕТЛЕ

Уроки кулинарии, жизни и смерти на заре человечества

Независимая газ. — 1999 — 20 мая. — с. 7

Екатерина Барабаш

ТЕМ, КТО любит жаловаться на серую и скучную Россию, наверняка начало картины французского режиссера **Бруно Дюпона «Человечество»** поможет примириться с действительностью: унылый пейзаж, вечно серое небо, деревья на берегу штормящего неласкового моря. На лицах — печать дебилизма, в глазах одно желание — половое. Неаккуратно вылепленные из мяса и костей люди-тела, периодически совершающие бурные соития, показанные долго и подробно. Но — никакой порнографии: разве придет кому-нибудь в голову обвинять в порнографии, к примеру, авторов научно-популярного фильма со сценами случки животных? В картине — сплошная пустота, мертвый хаос, в котором только-только зарождается жизнь. Заря человечества. И среди этой человеческой пустоты — человек, вобравший в себя всю вину за эту пустоту, за это человечество, — местный полицейский, 30-летний фараон. Он расследует страшное преступление, совершенное неподалеку от деревни, — убийство 11-летней девочки.

В процессе расследования он все больше и больше проникается ужасом и чувством вины. Поначалу кажется, что это единственное живое существо в фильме. Да нет же, у него даже походка, как у робота, голос тоже, полное отсутствие интонации и выражения. Это эскиз, набросок человека, но человека, который в первобытном хаосе уже способен чувствовать страх и вину и через эти два единственных своих чувства инстинктивно двигаться к собственному рождению. Назвав фильм «Человечество», Дюпон то ли лукавит со зрителем — ага, вы хотели видеть человечество, а его-то и нет, разве что эти бессмысленные тела; то ли этим названием дает надежду — раз есть заря человечества, которую я вам показываю, значит, когда-нибудь состоится и само человечество. Фильм вызывает ощущение оторопи, но пока это единственный здесь фильм (длящийся, кстати, два с половиной часа), с которого не ушел ни один человек.

Резким контрастом «Человечеству» прозвучал показанный вслед фильм американца Тима Роббинса «Колыбель будет качаться». Где вы видели хаос и пустоту, зачем нам идти к собственному рождению, если мы вот

уже живем. Да как! Нью-Йорк в 30-е годы, самозабвенная, дружная борьба маленького театра за свободу творчества — на фоне безработной, только-только вылезающей из Великой депрессии Америки, в которую усердно пускает ростки уже вовсе здравствующий в Европе фашизм. Искусство выше политики, выше фашизма, сильнее его, утверждает Тим Роббинс и целое созвездие собранных им актеров — Ванесса Редгрейв, Джон Туртурро, Сара Сарандон. А вы говорите — пустота...

Пустота — там, где нет места желаниям. Кроме желания чужого тела (как в «Человечестве»). Или там, где низ телесный совпадает с низом духовным, как в картине канадского режиссера **Атома Эгояна «Путешествие Фелиции»**. Одиноким бирмингемский холостяк Хилдтич развлекается тем, что, поставив видеокассету со старой записью уроков кулинарии, готовит великолепные, феерические блюда, чтобы потом в одиночестве посмаковать кусочек-другой. В перерывах между работой и кулинарией он ищет молодых одиноких девушек и, прикинувшись добрым грустным вдовцом, заманивает к себе домой, чтобы

девушку больше никто никогда не увидел. Попадает к нему и 17-летняя Фелиция, приехавшая в поисках затерявшегося здесь возлюбленного — сообщить ему, что беременна. В последний момент девушке удается выбраться из дома маньяка-кулинара, который не может пережить поражения и ставит точку в своем земном одиночестве — под великолепно красивую песню «What a wonderful life» повисает в петле на любимой кухне. Удивительно яркий контраст полноты жизни и мертвечины, борьба двух совершенно разных одиночеств. Фелиция и Хилдтич оба одиноки, но это две параллели, которые никогда не пересекутся — ни по законам математики, ни по законам жизни. Преданная женой, пережившая аборт и ужас смерти, Фелиция — олицетворение жизнеутверждающего одиночества, каких в мире великое множество. Переживи его, не бойся, не дай ему запереться в темных уголках души, как это произошло с Хилдтичем. Она побеждает. И тогда тяжелое, пустое, пожирающее собственную и чужие души одиночество бессмысленным грузом повиснет в петле. What a wonderful life!

■ **Канны**